

Выборнова Алеся Игоревна, Студент 4 курса
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
Vybornova Alesya Igorevna

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО НАЧАЛА
В ЛИРИКЕ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ
MORPHOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING PERSONAL PRINCIPLES
IN THE LYRICS OF MIRRA LOKHVITSKAYA**

Аннотация. В статье анализируются морфологические приёмы в поэзии Мирры Лохвицкой (императив, сослагательное наклонение, местоимения, абстрактная лексика). На материале пяти стихотворений показано, как эти средства формируют личностное начало лирической героини – парадоксально-волевое, соединяющее активность и жертвенность, одиночество и напряжённый диалог.

Abstract. The article analyzes morphological techniques in the poetry of Mirra Lokhvitskaya (imperative, subjunctive mood, pronouns, abstract vocabulary). Based on five poems, it shows how these means form the personal principle of the lyrical heroine – paradoxical and volitional, combining activity and sacrifice, loneliness and intense dialogue.

Ключевые слова: Мирра Лохвицкая, морфология, императив, сослагательное наклонение, личностное начало, поэтика.

Keywords: Mirra Lokhvitskaya, morphology, imperative, subjunctive mood, personal principle, poetics.

Языковой уровень поэзии Мирры Лохвицкой (1869–1905), в частности морфологические средства, остаётся изученным фрагментарно. В трудах В.В. Виноградова и Г.О. Винокура [2, 3] поэтический язык трактуется как особая система, в которой грамматические категории приобретают эстетическую нагрузку. Настоящая статья предлагает системный анализ морфологических приёмов конструирования личностного начала в лирике Лохвицкой.

1. Императив как форма заклинания и волевого призыва

Одной из самых заметных морфологических черт лирики Лохвицкой является высокая частотность глаголов в повелительном наклонении. Как показано в работах Е.Н. Винарской [1], императив в поэтической речи утрачивает чисто побудительную функцию и становится средством создания эмоционального напряжения, приближаясь к магической формуле.

Стихотворение «Заклинание» (1898–1900) – наиболее яркий пример императивного высказывания. Оно построено как обращение лирической героини ко Сну. Текст представляет собой ряд повелительных конструкций, которые следуют одна за другой, создавая ритм заклинания. Вот несколько начальных строк, задающих тон: «Ты лети, мой сон, лети, / Тронь шиповник по пути, / Отягчи кудрявый хмель, / Колыхни камыш и ель»; далее героиня велит сну коснуться месяца, задуть звёзды, а в финале – «Воскреси мой поцелуй, / Обольсти и околдуй!» [5, с. 252]. Здесь насчитывается более десяти императивов: «лети», «тронь», «отягчи», «колыхни», «брызни», «умчись», «коснись», «задуй», «воскреси», «обольсти» и «околдуй». Повтор одной и той же грамматической формы создаёт эффект ритмического заклинания, соотносимого с фольклорной традицией, подчиняющего себе читателя. Героиня не просит Сон – она приказывает ему: изменить природный мир, проникнуть в космические сферы, воздействовать на возлюбленного.

Иную функцию выполняет императив в стихотворении «Не мучь меня, когда...» (1898–1900). Отрицательная форма «не мучь» (рефрен) выражает одновременно мольбу и отказ, а финальное трёхкратное «приди, приди, приди!» – экстатический призыв: «Не мучь меня, когда я вся – безумье, / Когда я вся – любовь» [5, с. 142].

Я.И. Гин в исследовании поэтики грамматических категорий показал, что императив в лирике способен передавать внутреннюю раздвоенность, когда одно и то же лицо является и

объектом отвержения, и объектом вождления [4]. Героиня мечется между требованием прекратить страдание («не мучь») и отчаянным зовом («приди»). Императив фиксирует парадоксальное состояние, когда один и тот же «другой» – и мучитель, и желанный спаситель.

Императив как метафорическая форма художественного мышления и высказывания создаёт особую модальность поэтического языка.

2. Сослагательное наклонение как выражение волевой интенции

Если императив моделирует прямое воздействие на мир, то сослагательное наклонение служит формой выражения волевой интенции в воображаемом пространстве. Стихотворение «Если б счастье мое было вольным орлом...» (1889–1895) построено как цепь из пяти условных конструкций. В нём последовательно перебираются метафоры счастья: орёл, цветок на утёсе, кольцо на дне реки и, наконец, сердце возлюбленного. Каждой гипотетической посылке сопутствует решительное действие героини в сослагательном наклонении: «Натянула б я лук...», «Сорвала б и упилась дыханьем его», «Я б русалкой за ним опустилась на дно», а в финальной строфе – «*День и ночь я бы жгла его тайным огнем, / Чтобы, мне без раздела навек отдано, / Только мной трепетало и билось оно!*» [5, с. 13]. Таким образом, общий ряд форм сослагательного наклонения («натянула б», «был бы он мой», «достала б», «сорвала б», «упилась б», «опустилась б», «заблистало б», «жгла б», «трепетало и билось бы») создаёт картину абсолютной решимости. Как показано В.В. Виноградовым в теории художественной речи, сослагательное наклонение в поэтическом тексте может утрачивать семантику ирреальности и служить для выражения категорического желания, почти неотличимого от волеизъявления [2]. Героиня не сомневается – она проигрывает сценарии абсолютного обладания. Даже грамматическая форма, обозначающая нереальность, передаёт решимость: натянуть лук, достать цветок с утёса, опуститься русалкой на дно, жечь сердце тайным огнём. Метафорической кульминацией представляется последняя строфа, где счастье могло бы располагаться «в сердце твоём». Здесь сослагательное наклонение приобретает оттенок тотальной неизбежности. Идентичность лирической героини Лохвицкой строится на предельных обобщениях, где эмоция становится онтологией – сама сущность личности сводится к переживанию безумия или любви.

3. Местоименный дейксис и отрицание: одиночество и диалог

Как отмечал В.В. Виноградов, личные местоимения в поэтическом тексте становятся носителями субъективной оценки, маркируя границы между внутренним миром героя и внешним миром [2].

В стихотворении «Избрав свой путь, я шествую спокойно...» оппозиция «я – ты» задаётся с первых строк: «*Избрав свой путь, я шествую спокойно / Ты хочешь слёз моих? / Мой стих звучит уверенно и стройно. – / Ты не увидишь их. / ... / И гибну я, и гибну – одинокой, / Но не рабой твоей*» [5, с. 98].

Героиня отвечает на невысказанный вопрос «другого». Отрицательные конструкции («не увидишь», «не верю», «не рабой») усиливают конфликт, формируя уверенную в своей правоте идентичность. Финальный стих – суть этого приёма: одиночество принимается как осознанная позиция, противопоставленная подчинению. Отсутствие местоимения «мы» знаменательно: героиня говорит только о себе, никого не включая в свой мир.

В стихотворении «Если я смотрю на звезды. – в их вечном сиянье...» (1891) местоимения появляются позднее, драматизируя текст: «*Но отчего ж без тебя мне так больно, / так скучно, / Будто наутро с тобой я не увижусь опять? / Значит, не правда ль, с любовью тоска / неразлучна, / Значит, нельзя на земле полного счастья / искать?*» [5, с. 201].

Е.Н. Винарская [1] показывает, что включение местоимения «ты» в лирический текст создаёт эффект присутствия отсутствующего собеседника. В первой строфе «ты» отсутствует – есть только «я» и безличные звёзды. Финальный риторический вопрос резко вводит «без тебя» и «с тобой». Отсутствующее «ты» становится источником тоски, что подтверждает напряжённую диалогичность поэзии Лохвицкой: её лирическое «я» не может существовать без «другого», даже отсутствующего.

4. Абстрактная лексика как экзистенциальное поле

Абстрактные существительные на -ость, -ание/-ение, -ство образуют у Мирры Лохвицкой экзистенциальное поле текста. Отвлечённая лексика превращает временные душевные состояния в нечто вечное, метафизическое, и в то же время почти материальное.

В стихотворении «Если я смотрю на звезды...» ключевые состояния вынесены в сильные позиции: «Тихо слетает мне в душу тогда упованье, / Дальше бегут от меня мрачные тени тревог» [5, с. 201]. «Упование» и «тревоги» противопоставлены, создавая семантический контраст. Далее появляются «тоска», «скука», «счастье». В стихотворении «Избрав свой путь, я шествую спокойно...» абстрактные состояния передаются через отрицание: «Нет места снам, ни радостной надежде / В больной душе моей» [5, с. 98]. Героиня определяет свою душу вне традиционных утешительных состояний.

Наиболее показательный пример создания экзистенциального поля – финал стихотворения «Не мучь меня, когда...»: «Не мучь меня, когда я вся – безумье, / Когда я вся – любовь» [5, с. 142]. «Безумье» и «любовь» – предельные обобщения. Героиня не говорит «я безумна» или «я люблю», она приравнивает себя к самой сущности. Абстрактное имя существительное в позиции предиката утверждает тождество личности и отвлечённого состояния. Ю.Е. Павельева заключает: идентичность героини Лохвицкой строится на предельных обобщениях, где эмоция становится онтологией [6].

Таким образом, морфологический уровень лирики Лохвицкой – не служебный, а активно действующий инструмент конструирования личностного начала. Императив передаёт магическое воздействие на мир; сослагательное наклонение – решимость в воображаемом пространстве; местоимения и отрицания маркируют границы между «я» и «ты»; абстрактная лексика превращает эмоции в онтологические сущности. В совокупности эти средства создают парадоксально-волевою субъективность: активную и пассивную, диалогичную и замкнутую, отражающую сложность внутреннего мира человека рубежа XIX–XX веков.

Список литературы:

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста: (На материале рус. поэзии): [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.»] / Е. Н. Винарская. – М.: Высш. шк., 1989. – 134, [2] с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
3. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
4. Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматической категории. Избранные работы [Текст] / Я.И. Гин. – СПб., 1996. – 224 с.
5. Лохвицкая М.А. Полное собрание стихотворений [Текст] / М. А. Лохвицкая; [сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. И. В. Корецкой]. – СПб.: Издательство «Академический проект», 2000. – 444 с.
6. Павельева Ю.Е. Лирическая героиня М. А. Лохвицкой: поэтика на стыке классики и модернизма [Текст]: автореферат дис... канд. филол. наук / Ю.Е. Павельева. – М., 2008. – 18 с

